

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

«ПРИ ЦАРЕ ГОРОХЕ»: ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРОШЛОЕ

В. В. Кузнецов

ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей», Торжок

В статье рассматриваются фразеологические сочетания, обозначающие в русском языке события, происшедшие в далеком прошлом. На основе проделанного анализа делается попытка их объяснения в контексте мифопоэтической, церковно-народной и книжной традиции.

Ключевые слова: фразеологическое сочетание, восприятие прошлого, сказка, основной миф, книжная традиция, «при царе Горохе», «при царе Косаре».

Словарный фонд современного русского языка является продуктом более чем тысячелетней истории, уходящей во времена праславянского и индоевропейского языкового единства. Темпорально окрашенные слова и выражения, более чем другие лексические единицы, несут в себе отпечаток того, как в языке отразилось осознание его носителями истории, событий, происшедших в далеком и недавнем прошлом. В настоящей работе рассматриваются фразеологические сочетания, которые, являясь маркерами образной хронологии событий прошлого, соотносят явления языка с традиционной культурой: «при царе Горохе», «при царе Горохе и царице Морковке», «при царе Косарé», «при царе Косарé, когда турки воевали». (Обозначенная тема отсылает к представлениям о времени в традиционной культуре, что требует отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи; см. [5; 21].)

Общая часть этих шуточных выражений «при царе» ставит их в один ряд с обозначением отрезка реального исторического времени — царствования некоего властителя. Вследствие этого имена нарицательные второй части («горох», «косарь») приобретают значение имен собственных, которые, однако, не имеют никаких исторических соответствий. Попытаемся прояснить их происхождение.

1. Выражение «при царе Горохе» встречается в русских народных сказках. В «Сказке о Василисе золотой косе, непокрытой красе» объясняется, кто такой царь Горох: это сын царя Светозара Иван Горох, убивший железными посохом, выкованным мудрым кузнецом (кузнецами), змея, который похитил его сестру Василису. После смерти отца он «принял царский венец, правил со славой державой, и в роды родов славилось имя *царя Гороха* (курсив мой. — В.К.)» [8, т. 3, с. 227–231]. В сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое» описывается эпоха, в которую жил царь Горох: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьей Прекрасною» [8, т. 1, с. 195–199].

Текст, предшествующий упоминанию царя Гороха, переносит слушателя (читателя) не столько в давние времена, сколько в иную реальность, которая коррелирует с народными представлениями о гороховом поле как о месте обитания русалок, кикимор, ведьм, иных персонажей низшей мифологии [10, с. 525–526]. Это побуждает искать происхождение царя Гороха в мире мифологических образов. Именно так поступил публикатор русских народных сказок А. Н. Афанасьев. Он провел параллель между царем Горохом и богатырем Покатигорошком из одноименной сказки, который так же, как Иван Горох, убил змея, унесшего в горы его сестру. Орудием убийства в этом случае была булава, выкованная кузнецом. Испытывая оружие на прочность, Покатигорошек подбрасывает его в небеса, что вызывает раскаты грома [8, т. 1, с. 205–214]. Сближение слова «грохот», обозначающего издаваемый булавой звук, со словом «горох», лежащим в основе имен Покатигорошка и царя Гороха, позволило исследователю увидеть в Покатигорошке и царе Горохе стертый образ бога-громовержца славянской мифологии: «Под неотразимым влиянием языка горох является символом Перуна или грома и молнии, рождающихся из недр тучи» [1, с. 380–382].

Слова «горох» и «грохот», на созвучии которых основываются построения Афанасьева, этимологически неродственны и происходят от разных праславянских форм: *gogъ и *groxotъ [23, с. 45, 135]. Однако это не исключает возможности их семантического сближения в народнопоэтической традиции, аналогично тому, как на основе сближения этимологически неродственных, но созвучных слов «река» (праслав. *rěka) и «речь» (от праслав. *rekti 'говорить') появились выражения и поэтические образы, уподобляющие речь течению реки. Возможность сближения и взаимозаменяемости слов «горох» и «грохот» наглядно иллюстрирует фраза детской игры: «Баба сеяла горох и кричала: „Грох“» (вариант: «кричала: „Ох“»). Поэтому заключения Афанасьева кажутся в общем вполне правомерными, а мифологические истоки волшебной сказки не вызывают сомнений.

Мотив убийства змея представляет героя вышеназванных сказок как трансформацию бога-громовержца, убивающего своего змеевидного противника, похитившего его жену, в славянском варианте основного мифа. Его возникновение относится к эпохе индоевропейского языкового единства (III–II тыс. до

н. э.), к нему в той или иной степени восходит большинство фольклорных сюжетов, мотивов и образов [3, с. 4–108, 164].

Так, в легендах и преданиях, ориентированных на основной миф, громовержец-змееборец может выступать в ипостаси кузнеца, а в некоторых из них победителями змея оказываются кузнецы Кузьма и Демьян или Борис и Глеб, которые являются помощниками главного героя. Очевидно, что кузнец или кузнецы, выковавшие оружие герою сказок о царе Горохе, а также два его брата, которые помогают ему в поисках сестры и борьбе со змеем, находятся в одном ряду с этими персонажами. Главный герой и два его брата также соответствуют трем героям-змееборцам в легендах и былинах и трем братьям, основателям культурной традиции в исторических и этиологических преданиях, которые представляют собой определенный этап трансформации основного мифа [3, с. 158–163, 172–173].

Продолжая семантические параллели сказки и основного мифа, можно найти объяснение паре царь Горох — царица Морковка (ее сказочный эквивалент царь Горох — царица Анастасья Прекрасная). Упрощенно оно выглядит следующим образом. Если царь Горох и Покатигорошек связаны с представлениями о боге-громовержце, то булава, вызывающая гром, символизирует молнию — главный атрибут и оружие громовержца в поединке со змеем, а поскольку булава или посох сопоставимы по форме с морковью (длинный, вытянутый предмет, расширяющийся к одному концу), то царицу Морковку следует считать метафорическим воплощением молнии. В этом свете сказочным соответствием царя Гороха и царицы Морковки оказываются царь Огонь и царица Грозная Маланья, т. е. молния [8, т. 1, с. 316–319, 497–498]. В церковно-народной традиции этим парам соответствуют св. Илья-пророк, «заместивший» громовержца Перуна, и св. Мария Магдалина, почитавшаяся как хранительница от молнии. Семантическая близость их образов отражена близостью дней их памяти в церковном календаре — 20 и 22 июля. К этим датам примыкает праздник свв. Бориса и Глеба (24 июля), чей фольклорный образ, как отмечалось выше, имеет истоки в основном мифе [22, с. 146–150]. Всё это увязывает пару шуточного фразеологизма с мифологическим богом-громовержцем и его женой [4]. Интерпретация пары царь Горох — царица Морковка как «сниженного» рефлекса бога-громовержца и его жены подтверждается связью гороха с брачными обрядами и ритуалами, а также с беременностью. Как покровители брачных уз почитались и божьи кузнецы Кузьма и Демьян [10, с. 524–525; 18, с. 66; 22, с. 49–52].

В основе ритуала, соответствующего основному мифу, лежит комплекс представлений о плодородии (в результате победы громовержца освобождаются воды, удерживаемые змеем, и на землю проливается благодатный дождь) [3, с. 108–135]. Поэтому не случайно горох оказывается одним из атрибутов аграрных обрядов славянских (и не только славянских) народов. По мнению Б. А. Рыбакова, царь Горох — это продолжение образа индоевропейского и праславянского божества — покровителя аграрного обряда «общественного опробования первых плодов» [17, с. 83–84]. По всей видимости, реликт связи царя Го-

роха с богом-громовержцем как подателем плодородия отражен и в аграрной примете, согласно которой сеять горох можно только в Страстной (Зеленый) четверг — день недели, который в славянской мифологии связан с Перуном [1, с. 382; 3, с. 25–29; 10, с. 526].

Основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что царь Горох (и царица Морковка) в выражении «при царе Грохе (и царице Морковке)», обозначающем далекое прошлое, представляет собой результат десемантизации мифоритуального комплекса, связанного с богом грозы (и его женой) — подателем плодородия и фертильности. Присутствие этого выражения в русском языке, видимо, следует рассматривать как показатель устойчивости и живучести глубинных основ мифопоэтического мышления (мифологических архетипов).

2. Другим довольно распространенным в русском языке выражением, обозначающим отдаленные времена, является фразеологизм «при царе Косарé» или «при царе Косарé, когда турки воевали».

Вряд ли объяснение имени царя следует видеть в областном названии косца или ножа для щепания лучин [2, с. 173]. Скорее всего, это искаженное и пересмысленное слово «кэсарь», которое представляет собой греческую форму латинского имени Юлиа Цезаря (Caesar). В древнерусский язык оно попало уже из первых переводов богослужебных Евангелий и византийских хроник. В них кесарями именуется римские императоры династии Юлиев-Клавдиев, причем не только те, чье полное имя включало имя ее основателя Юлиа Цезаря (Август, Калигула, Клавдий), но и те, в имени которых его не было (Тиберий, Нерон), во втором случае слово «кесарь» используется как титул. О его происхождении от имени первого «единовластца» и основателя «царства Римскаго» прямо говорится в русских памятниках XV–XVI вв., описывающих всемирную историю: Летописце Еллинском и Римском и Русском хронографе (списки и редакции последнего были широко распространены вплоть до XVIII в.). Примечательно, что в них приводятся весьма оригинальные и далекие от реальности варианты объяснения слова «кесарь», что свидетельствует о его изначальном непонимании носителями русского языка. Кроме того, важно отметить, что в указанных источниках с кесарем Юлием связывается упорядочивание времяисчисления: «Сей индиктомъ законъ дать и високошь изобре те и месяца нарече» [16, с. 228].

Во время формирования самодержавной идеологии Русского централизованного государства в XVI в. к римскому кесарю Августу стали возводить происхождение основателя правящей династии — князя Рюрика. Вследствие этого его призвание, положившее начало русской государственности и считавшееся отправной точкой русской истории, приобретало особо сакральное значение, поскольку в царствование Августа родился Иисус Христос: «[Рюрик] Не худа же рода бяху и незнаема, но паче преименита и славна Римскаго кесаря Августа, обладающаго всею вселенною и единоначальствующаго на земли во время перваго пришествия на землю Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, иже егда нашего ради спасения изволи родитися от Безневестныя и Пречистыя Приснодевы Марии» [11, с. 447; 15, с. 60].

Проведенная русским книжником связь между временем кесаря Августа и земной жизнью Иисуса основана на знании того, что во времена кесарей (в правление Юлиев-Клавдиев) произошли все важнейшие события новозаветной истории, положившие начало христианской церкви [16, с. 229–241]. Главные церковные праздники, посвященные этим событиям, стали основными календарными вехами, структурирующими жизненный уклад всякого русского человека. Чтение книг Нового Завета в годовом цикле богослужений, приуроченных к этим праздникам, по всей видимости, и предопределило проникновение слова «кесарь» в народную речь, привнеся тем самым в народное сознание представление о древних временах малопонятных, но сакрально значимых кесарей.

В церковных богослужениях слово «кесарь» звучит уже перед началом гражданского года, в навечерие праздника Рождества Христова, когда читается отрывок из Евангелия от Луки (Лк 2: 1–20), который начинается с упоминания о вышедшем от кесаря (Августа) повелении «сделать перепись по всей земле».

Чаще всего (трижды в год) в круге евангельских чтений это слово употребляется в выражении «отдайте кесарю кесарево», которым Иисус отвечает на провокационный вопрос фарисеев о том, следует ли платить подати римскому императору (в тексте — кесарю): Мф 22: 15–22; Мк 12: 13–17; Лк 20: 19–26. Обычно вся эта евангельская сцена истолковывается как божественное указание на непотворение власти предержащим, что делало ее (а вместе с ней и слово «кесарь») крайне актуальной для представителей податных сословий, т. е. для абсолютного большинства русского общества. В каждом из вышеназванных отрывков слово «кесарь» и производные от него упоминается четыре раза. Вероятно, столь интенсивное использование этого слова в богослужебной практике способствовало регулярной активации связанных с ним образов далекого прошлого и тем самым сыграло существенную роль в усвоении его русским языком.

Для нашей темы весьма интересен текст, в котором слова «царь» и «кесарь» образуют нерасторжимое смысловое единство. Это отрывок из Евангелия от Иоанна (Ин 19: 13–20), который читается 1 августа на литургии праздника Происхождения честных древ честнаго Креста. В нем говорится о распятии Христа и событиях непосредственно этому предшествовавших. Понтий Пилат, выведя Иисуса на суд, спросил иудеев: «Царя ли вашего распну? ответили первосвященники: нет у нас царя кроме кесаря». В этом отрывке «кесарь» используется как титул не названного по имени императора Тиберия, в правление которого произошли описываемые события [16, с. 240].

Итак, можно полагать, что возникновение рассматриваемого фразеологического сочетания было обусловлено как влиянием книжной традиции, так и народной рецепцией церковных обрядов — церковно-народным мировосприятием, в котором события земной жизни Христа осознавались как начало отсчета нового времени и как сакрально отмеченные события прошлого, регулярно актуализирующиеся в годовом круге церковных праздников.

Выражение «при царе Косарé» можно было бы считать почти точным соответствием современного хронологического маркера «до нашей эры» или «до

Рождества Христова», если бы оно не употреблялось с факультативным продолжением «когда турки воевали». Своим происхождением оно, скорее всего, обязано народнопоэтическому осмыслению многочисленных войн, которые Россия вела с Турцией в XVII—XIX вв. и которые нашли широкое отражение в фольклоре [9, с. 213–226, 252–260, 267–291, 305–324]. Поэтому связь «царя Кесаря» с реальными римскими императорами или их церковно-книжными образами в описываемом выражении следует считать если не утраченной, то крайне незначительной.

Однако стоит обратить внимание на то, что войны с турками образуют фразеологическое сочетание с царем Косарем, а не с царем Горохом, так же как царица Морковка сочетается с царем Горохом, а не с царем Косарем. Если устойчивость семантической связи царя Гороха и царицы Морковки обусловлена их происхождением из мифопоэтической образности, то в таком случае царь Косарь и войны с турками также должны иметь общий смысловой знаменатель, определяющий их устойчивую связь.

Возможно, источником расширенной формы рассматриваемого выражения, объединяющего тему кесаря и тему турецких войн, может быть «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.».

В некоторых летописях и хронографических сборниках XVI—XVIII вв. вместе с «Повестью» помещается рассказ об основании Царьграда-Константинополя, в котором император Константин строит новый город «на римский обычай» и называет его Новым Римом, который является наследником древнего Рима и одновременно становится центром новой христианской ойкумены. Эта «амбивалентность» Царьграда отражается в характерном упоминании «кумира, имущаго на главе семь лучь» (древнегреческий бог Солнца Гелиос), которого император установил в новом городе, одновременно наполнив его христианскими храмами и посвятив Христу и Богородице [12, с. 125–128; 13, с. 78–81; 16, с. 443–445]. Сам Константин в хронографах и летописных статьях, с одной стороны, находится в одном ряду с римскими императорами, восходящем к кесарям Юлию и Августу, и его сыновья-наследники именуются кесарями [13, с. 79; 16, с. 267], а с другой — является первым христианским царем. Если о кесаре Юлии говорится, что он упорядочил старое времяисчисление, то с царя Константина начинается отсчет нового христианского времени, исчисляемого по Вселенским соборам и правлению православных византийских монархов, перечень которых в Никоновской летописи соединяет повести о создании и взятии Царьграда [13, с. 81–83; 14, стб. 8–9; 16, с. 228–269]. Всё это представляет описанное в «Повести» падение города Константина — нового Рима — как трагическое завершение всего предшествующего периода истории, начавшегося в царствование первого христианского царя, наследника кесаря Юлия и римских кесарей, при которых произошло воплощение Бога Слова и возникла христианская церковь. Ощущение этого русскими книжниками угадывается в отмеченной ими символичности совпадения имен основателя Царьграда и последнего византийского императора, погибшего при его защите:

«Константиномъ создася и паки Константиномъ скончася» [12, с. 142; 13, с. 96; 16, с. 458].

«Повесть о взятии Царьграда» имела большое влияние на русское историческое повествование XVI—XVIII вв. [19, с. 188–225]. Она вошла в книгу И. Михайлова «История о последнем разорении святого града Иерусалима и о взятии Константинополя», вышедшую в 1713 г. и неоднократно переиздававшуюся вплоть до начала XIX в. [20, с. 195–197]. Популярность этой книги не в последнюю очередь была обусловлена ее актуальностью во время почти непрерывавшихся войн с Османской империей, которые велись под знаменем освобождения православных народов и восстановления Константинополя как столицы православной империи. Примечательно, что в «Повести» и в «Истории» приводится пророчество, согласно которому русский народ победит турок и воцарится в «Седмохолмом» (как Рим) Константинополе [7, ч. III, с. 80–92; 12, с. 143–144; 13, с. 97; 16, с. 444, 460].

Вероятно, в названных исторических сочинениях читающая публика находила оправдание войн с Османами и в описании героической обороны Царьграда-Константинополя черпала вдохновение для участия в баталиях по его освобождению; рефлексией участия в турецких войнах простого народа (податных сословий) стали произведения фольклора.

Таким образом, выражение «при царе Косаре, когда турки воевали» может быть отражением общероссийских и общеевропейских событий, каковыми были войны с Турцией, и стоящей за ними идеи возрождения второго Рима третьим.

Подытоживая изложенное, можно заключить, что русский язык хранит память о прошлом не только в этимологии и семантике слов, но и в явлениях иного уровня — фразеологических сочетаниях, в которых прошлое предстает как результат его восприятия и осмысления многими поколениями носителей языка. Они хранят в себе следы мифопоэтического мироощущения, книжной и церковно-народной традиции, конструируя шутливо-образную хронологическую шкалу прошлого: «при царе Косаре (когда турки воевали)» отсылает к историческому прошлому, временам реальных исторических личностей и событий; «при царе Горохе (и царице Морковке)» обозначает доисторическое, мифологическое прошлое, время языческих богов. Близкая картина поэтической периодизации русской истории присутствует в «Слове о полку Игореве»: «Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святославличя» [6, с. 102–105]. Разумеется, все эти выражения обозначают не промежутки времени, имеющие четко ограниченные хронологические пределы, а поэтические, стертые до малопонятных фразеологических сочетаний образы целых эпох, слитые в единое представление о далеком прошлом.

Приведенные в статье объяснения не являются ни исчерпывающими, ни безусловными: их следует рассматривать как один из вариантов возможного толкования. Прошлое, как и будущее, — понятие неопределенное и состоит из множества вероятностей, тем более если речь идет об отражении нашего прошлого в нашем языке.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 2. 400 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981. Т. 2. 779 с.
3. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследование в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 343 с.
4. Иванов В. В., Топоров В. Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982. М.: Индрик, 1983. С. 175–187.
5. Клейн Л. С. Концепции времени в традиционной культуре // Время и календарь в традиционной культуре: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. СПб.: Лань, 1999. С. 3–13.
6. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: монография. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1985. 352 с.
7. [Михайлов И.] История о последнем разорении святого града Иерусалима и о взятии Константинополя. М.: тип. С. Селивановского, 1821. 418 с.
8. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. Т. 1. 537 с.; Т. 3. 508 с.
9. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности под ред. П. А. Бессонова. М.: тип. Бахметева и Университетская, 1872. Вып. 9. 572 с.
10. Плотникова А. А., Усачева В. В. Горох // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. I. С. 524–526.
11. Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М.: изд-во А. И. Мамонтова и К°, 1869. 541 с.
12. ПСРЛ. Т. VIII. М.: Языки русской культуры, 2001. 312 с.
13. ПСРЛ. Т. XII. М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.
14. ПСРЛ. Т. XV. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
15. ПСРЛ. Т. XXI, ч. I. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1901. 352 с.
16. ПСРЛ. Т. XXII. М.: Языки славянских культур, 2005. 896 с.
17. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988. 789 с.
18. Словарь русских народных говоров. М.: Наука, 1972. Вып. 7. 356 с.
19. Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII веков // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л.: АН СССР, 1956. 657 с.
20. Творогов О. В. Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. // СККДР. Вып. 2, ч. 2. М.: Наука, 528 с.
21. Толстая С. М. Время // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. I. С. 448–452.
22. Церковно-народный месяцеслов И. П. Калининского. М.: Худож. лит., 1990. 238 с.
23. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1980. Вып. 7. 113 с.

Об авторе

КУЗНЕЦОВ Виктор Владимирович, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе ФГБУК «Всероссийский историко-этнографический музей»; e-mail: tiveriada@yandex.ru